в виду *Удечь*. Автор возводит этот ойконим к гидронимической основе *Уд-*, весьма продуктивной на восточнославянской языковой территории и в то же время восходящей к индоевропейской основе со значением ‘вода’, не реализовавшейся или утраченной на балто-славянском ареале (др.-инд. *uda*, греч. ὕδωρ). В. П. Нерознак относит сюда и гидроним *Утьꙗ* (<**udь*), который ошибочно связывали с *utь* (бел. *уць* и др.) ‘утка’. Этот пример оказывается еще одним свидетельством недопустимости прямолинейного соотнесения ономастики с апеллятивной лексикой и лишним подтверждением эффективности и правильности исследовательского пути, избранного автором.

Как и во всяком историко-этимологическом исследовании, в «Названиях древнерусских городов» имеются недостатки и просмотры.

Самой дискуссионной оказалась статья, посвященная Новгороду, хотя этот ойконим этимологически абсолютно прозрачен, а его словообразовательная модель толкуется однозначно. Все дело в том, что автор предпринял попытку истолковать одно место у Иордана как наиболее раннюю фиксацию названия Новгорода. Имеется в виду следующее: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север до Вислы» (пер. Е. Г. Скржинской). В. П. Нерознак предлагает новое истолкование этого текста, вставив перед словами «до Данастра» уточнение «на юг». Это неоправданно, ибо тогда окажется, что Виксла (Висла) расположена на север от Новиетуна, трактуемого как Новгород. Без вставки «на юг» этот текст может быть понят следующим образом: Новиетун и Данастр расположены на одной широте, а на север от них расположена Виксла. Такое понимание близко к изложенному в комментариях к Иордану. Там же мы находим изложение разных точек зрения на возможные интерпретации Новиетуна и Мурсианского озера. Если, однако предположить, что они являются указанием на западную границу славян на широте Днестра, а Днестр на восточную, то мы должны искать названия города и озера у Иордана где-то на территории Словении, предположив, что ко времени Иордана на эту территорию уже проникли паннонские славяне. Тогда Новиетун будет отождествлен с одним из названных так городов ниже Эмоны (Любляны), а Мурсианское озеро — с Балатоном (см. комментарии Е. Г. Скржинской к Иордану).

При толковании ойконима *Волынь* автор приводит в качестве параллелей лишь местные названия, а далее, несколько отходя от своих принципов, переходит к апеллятиву *volьje* ‘зоб у птицы’. Он упускает при этом другую возможность этимологизации, которая гораздо ближе его же собственным принципам. Мы имеем в виду известную этимологию, согласно которой поморский *Wolin* < *Wola* -in*. Причем, *Wola* < *Wolimir*, *Wolisław* и т. д., т. е. мы тем самым возводим ойконим к антропониму.

Название города Минска *Мѣньскъ*, судя по последовательности, с которой оно сохраняет ять, нужно связывать через гидроним *Мѣна* (не Мена) с лит. *Mẽnupis* (ср. у А. Ванагаса в его этимологическом словаре литовской гидронимии). Ойконим *Хороборъ* нельзя возводить к апеллятиву *хоробръ* ‘храбрый’, не обращаясь к гидрониму *Хорабра*, *Хоробра*. О. Н. Трубачев замечает, что осмысление гидронима в связи с *храбрый*, несомненно, вторично (в работе, написанной совместно с В. Н. Топоровым).

Несколько замечаний совсем частного характера. В *Барочь* не различаются основы на *-i* и на *-jo* (с. 17). Праслл. *bagъno* и *buga* разного происхождения (ст. 30). Не объяснена суффиксация в ойкониме *Збаражъ* (с. 75—76). Сравнение Ильинского *Москва* ~ *Москоть* ошибочно (последнее — новое заимствование) (с. 113—114). Не объяснена суффиксация в ойкониме *Мунаревъ* (с. 116). Бел. *ром* ‘прастор, свабоднае месца, абшар’ — заимствование из немецкого (ср. нем. *Raum*), возможно, через польское посредничество (ср. польск. *rum*) (с. 149).

Все эти сугубо частные замечания, а также обнаруженные нами опечатки не влияют на общую высокую оценку труда В. П. Нерознака, который, несомненно, даст новый импульс изучению древнерусской и славянской ономастики.

Рецензируемую книгу следует рассматривать в контексте интенсивно развивающейся палеорусистики. И в этом смысле появление первого у нас историко-этимологического словаря древнерусских ойконимов составляет несомненную историко-культурную ценность. Остается выразить надежду, что с некоторыми уточнениями и дополнениями книга В. П. Нерознака будет переиздана, ибо уже сейчас ее тираж полностью разошелся.

В. В. Мартынов